

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета о диссертации Кириченко Владислава Владимировича на тему «Факт и вымысел в творчестве Жоржа Перека», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2. Литературы народов мира

Диссертация В. В. Кириченко посвящена романам Жоржа Перека, одного из главных участников масштабного проекта по переосмыслению автобиографического канона, реализация которого началась во Франции на рубеже 1970-х годов. Актуальность избранной диссидентом темы обусловливается подчеркнутым вниманием истории и теории литературы к разнообразным вариантам экспериментальной прозы эпохи позднего авангарда, исследованного меньше, чем авангардистская «классика» начала века. Особый интерес вызывает в этой связи проблема аутентичности, истинности художественного высказывания, порожденная конфликтом между сознанием и жизнью, языком и опытом реальности и представляющая собой сущностную проблему романа как такового.

Не вызывает сомнений и научная новизна работы. Она заключается в аналитическом описании художественного феномена «автофиксии» на основе семантики «возможных миров» и опирающейся на нее теории фикциональности. Прослеживая развитие дискуссии вокруг автобымисла, отменяющего автобиографический пакт, автор демонстрирует высокий уровень владения современной теоретической проблематикой и терминологическим аппаратом французской нарратологии. Как явствует из первой главы («Теория возможных миров»), главным результатом этой дискуссии следует считать делегитимацию установки на объективную истинность автобиографических высказываний и нейтрализацию оппозиции факта и вымысла, поэзии и правды. Особенно ценно при этом, что анализ теоретических суждений с самого начала ориентирован на конкретный художественный материал и рассматривается автором диссертации как инструмент его исследования, что убедительно подтверждают последующие главы работы. Автору диссертации удается на практике преодолеть ту обособленность истории и теории литературы, которая долгое время ослабляла нашу науку.

Несомненным достоинством работы является ее концептуальность. На одном конкретном и выразительном примере – романах Жоржа Перека, до настоящего времени неисследованных, – автору диссертации удается показать, как работает общий принцип поэтики позднего европейского авангарда и раннего постмодерна – принцип *praesentia in absentia*. Формулы описания этого принципа встречаются в работе лишь после с. 114, применительно к роману «Исчезновение», где появляются такие словосочетания, как «эстетика отсутствия», «эстетика исчезновения», феномен «отсутствующего присутствия». Между тем, они применимы не только ко второму, но и к первому из рассматриваемых текстов Перека. За этими формулами стоит вся

эпоха деконструкции с ее тенденцией к отмене границы между означающим и означаемым и к отрицанию доступа к истинной реальности, поиски которой все снова и снова предпринимала литература модернизма. Во внешнем раскрывается отсутствие внутреннего, в том, что присутствует – отсутствие чего-то другого. Отсюда идеи призрачности смысла, самоустраниния автора, отрицания интерпретации, сомнения в возможностях историографии и объективного политического дискурса, в возможности существования субъекта и социальной коммуникации. Отсюда, с другой стороны, притягательность всего, что замещает собой отсутствующее – памяти, следа, письма, номадизма, безумия, непредсказуемости событий, недостижимости цели, жизни после жизни.

В романе «W или Воспоминания детства», которому посвящена вторая глава диссертации, поиски героем самого себя обречены на неудачу. Принцип отсутствующего присутствия получает здесь отражение в мотиве невозможности самоидентификации по тем или иным определенным признакам: не *horror vacui*, не страх пустоты преследует раздвоенного, даже «мозаичного» (с. 51) героя / рассказчика, а, напротив, страх воплощения. Внимательно исследуя композиционные и нарратологические игры Перека, демонстрируя их логику в графических таблицах и схемах, диссертант убедительно доказывает, что основу семантической структуры романа образует взаимодействие автобиографического и вымышленного, коренящееся в природе «возможных миров», каждый из которых манифестируется на различных уровнях повествования. Сомнительность автобиографических высказываний оттеняется документальной точностью вымышленного рассказа об острове W, но и его действительные правители остаются невоплощенными, отсутствующими. Аксиологическое равенство фактуального и функционального дискурсов обесценивает тот и другой, подтверждая сформулированное диссертантом определение романа как эпистемологического, изображающего катастрофу самопознания. На фоне этой катастрофы особое значение приобретает спасительная психотерапевтическая функция письма, о которой выразительно говорится в одном из заключительных разделов главы (с. 98 и далее).

Третья глава – «Взаимосвязь факта и вымысла в романе «Исчезновение» – продолжает анализ различных форм присутствия отсутствующего и неопределенного в своей сущности. Таковы, например, символические мотивы, замещающие отсутствие буквы или цвета. Главная же задача главы заключается, по замыслу автора, в том, чтобы выявить в тексте романа автобиографические элементы, находящиеся на стыке факта и вымысла, и доказать, что именно соотношение между ними (автобиографическими фактами и вымыслом), аккумулированное в «автобиографемах», определило концепцию исчезновения как утраты какой-либо ценности. Решая эту нелегкую задачу, диссертант обнаруживает превосходное знание исследуемого материала, начитанность во французской художественной и научной литературе, умение видеть и интерпретировать неочевидные

интрапекстуальные отношения между элементами художественной конструкции. Убедительны и многочисленные примеры интертекстуальности. Чрезвычайно ценно то, что автор диссертации глубоко задумывается над источниками художественного произведения, над потребностью художника реализовать то, что в реальности практической жизни нереализуемо, дойти до предела возможностей языка и сознания и обрести позицию авторской вненаходимости, чтобы все поставить под сомнение. Поэтика романа интерпретируется в диссертации как отражение и результат того, что Батай называет «внутренним опытом» человека. По ходу работы выясняется, как писатель с каждым своим творческим шагом все больше отстраняется, освобождается от своей нравственно-психологической поглощенности жизненными процессами, выводя прошлое из времени своих личных травматических переживаний – в пространство, где они уже не делятся, а находятся рядом друг с другом как элементы завершенного целого.

Выскажем, вместе с тем, и некоторые замечания.

1. Второй раздел главы первой – «Теория возможных миров в литературоведении» – начинается с анализа взглядов Дэвида Льюиса и Любомира Долежела. Между тем, они представляют собой лишь надстройку над многовековым поэтическим дискурсом об эмансиpации поэтического воображения и праве поэта подражать не только действительному миру, но и мирам возможным, которые в действительности не реализовались. Уже для Шефтсбери поэт есть «второй творец, подобный Прометею, творящему под властью Юпитера». Так и в швейцарской поэтике середины XVIII века, у Бодмера и Брейтингера, пропагандистов Мильтона и библейского эпоса, аристотелевское представление о действительном и возможном существенно переосмыслилось с опорой на Лейбница и христиански истолкованную идею множественности миров. Они доказывали, что возможный мир, творимый воображением поэта, вправе претендовать на свою особую реальность, пусть и не осуществленную материально, что поэтическая правда воображения не менее правдива и нравственно ценна, чем научная правда рассудка. Думается, что исторические примеры сближения возможного и действительного могли бы эффектнее оттенить постмодернистский принцип разрушения границы между тем и другим вследствие отречения от абсолютной истины.

2. На последней странице главы второй упоминается «принцип украденного письма», означающий, что о травматическом опыте можно говорить только в его отсутствие, как об украденном письме. Есть и отсылка к Эдгару По, автору одноименной новеллы. Но ни в тексте работы, ни в библиографии не упоминается известная интерпретация этого рассказа Жаком Лаканом в 16 семинаре на тему «Я в теории Фрейда» (1955), где сказано, что письмо – это истина, замаскированная отсутствием, истина, которая боится огласки и есть не что иное как бессознательное. Это было бы тем более уместно, что психоаналитический код (тема автобиографического письма как психотерапии) играет в предлагаемой интерпретации Перека заметную роль, а

анализ бессознательного на уровне языка, на уровне элиминации или замещения букв напрямую отсылает к Лакану.

3. Понятие автофикции выиграло бы, если бы было проецировано не только на французскую дискуссию 1970-х годов, но и на фон более глубокий. Почему «Страдания молодого Вертера» и множество других романов, в которых факты личной биографии автора, (нередко его травматический опыт), подвергаются художественной обработке и творческой интерпретации в свете его идеологических и эстетических установок – почему они не автофикация? Где здесь граница? Очевидно, ее следует искать не просто в практике переплетения автобиографического и вымыщенного, а в особом характере такого переплетения, прежде всего, в нейтрализации их противоположности. Особенно много вопросов вызывает в этом отношении глава, посвященная роману «Исчезновение», где исследование автобиографем, вошедших в текст и определивших его поэтику, не выводит нас за рамки банального исследования биографических источников и их следов в художественном тексте. Так, на с. 146 читаем: «Тема семьи мотивирована автобиографически». Но разве это иначе у Пруста или Селина, Томаса Манна или Джойса, как и в десятках других, менее заметных случаев? То же касается утверждений о том, что тема родового проклятия восходит к комплексу еврейского происхождения писателя и трагической судьбы еврейства, или что в романе Перека отразились его отношения с отцом. А разве у многих других художников это не так? Спроецировать элементы поэтики на факты личной, социальной и литературной биографии автора можно почти всегда, о чем свидетельствует, в частности, обилие психоаналитических штудий, посвященных таким писателям, как Ф. Кафка или П. Целан. Вся мировая литература забита «персонажами-осколками» и повсюду можно найти «осмысленные пласти фактуального внутри фикционального произведения» (161). Но значит ли это, что мы имеем дело с автофикационностью? Не вполне удачен, на наш взгляд, и пример с «белой меланхолией» (подсказанный статьей Жана Старобински), которая, якобы, присуща тексту с жесткими формальными ограничениями (158). А как же весь европейский сонет? Он, что, тоже связан с темой меланхолии?

Высказанные замечания ни в коей мере не ставят под сомнение научную ценность выполненной работы. Исходные ее положения отличаются новизной, а выводы аргументированностью. Наряду с постановкой теоретических проблем, связанных с концепцией автобиографического жанра, автор уделяет пристальное внимание конкретному анализу произведений Перека, до сих пор не получивших отражения в отечественной научной литературе. Поэтика анализа произведения Перека раскрывается в контексте всего творчества писателя и на широком фоне развития современной теории культуры. Это сочетание общих вопросов теории с конкретным монографическим исследованием составляет бесспорно большое достоинство работы. Исследование В. В. Кириченко опирается на обширный аппарат научной

литературы. Работа написана на высоком профессиональном уровне и свидетельствует о большой филологической культуре ее автора.

Диссертация Кириченко Владислава Владимировича на тему: «Факт и вымысел в творчестве Жоржа Перека» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Кириченко Владислав Владимирович заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.2. Литературы народов мира. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Член диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой зарубежной литературы РГПУ им. А. И. Герцена

Жеребин Алексей Иосифович

РГПУ им. А.И. ГЕРЦЕНА
подпись Жеребин

Алексей Иосифович

удостоверяю «22» июня
Отдел кадров управления по работе с кадрами
и организационно-контрольному обеспечению

СПЕЦИАЛИСТ
ПО КАДРАМ
ПОПОВА Н.А.